

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

К.Е. Черевко

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ "КОДЗИКИ"
("ЗАПИСЬ О ДЕЛАХ ДРЕВНОСТИ"), 712 г.

"Кодзики" – один из первых, дошедших до нас японских письменных памятников.

Это основная священная книга синтоистского троекнижия¹, важный источник для изучения японского письменного литературного языка VII–VIII вв.

"Кодзики" не только священная книга синтоизма, не только древнейший историографический памятник, но и первая по времени подлинная эпопея Японии², – писал акад. Н.И. Конрад.

"Кодзики" – ключ не только к японской мифологии, религии, истории, литературе, но и к самой Японии, к самим японцам... через нее же (Кодзики) мы, как нельзя лучше, приближаемся к "подлинно японскому" и в современной Японии³.

После того как мифологическое мировоззрение в японском народе было в основном изжито, "Кодзики" получили второе рождение как неиссякаемый источник норм культуры, и в этом отношении они продолжают жить полноценной жизнью и в современной Японии⁴.

"Кодзики" – это собрание мифов и исторических преданий. Имеется также "Предисловие", где кратко излагаются содержание и история создания памятника. "Кодзики" состоят из трех свитков.

Первый свиток – мифы и сказания: от космогонического мифа о возникновении Вселенной до мифа о появлении на свет отца легендарного вождя японского племени Ямато Камуямато Иварэ-хико (посмертное имя Дзимму) – основателя Японии; второй свиток – исторические предания: от легендарного похода Камуямато Иварэ-хико до конца правления вождя союза японских племен Хомуда-вакэ (посмертное имя Одзин) (310 г. н. э.)⁵; и третий свиток: исторические предания и хроники, охватывающие период с 310 по 628 г.

Наибольший интерес для филологов и этнографов представляет первый свиток, который содержит основной цикл мифов, сказаний и вставленных в них стихотворений–песен. Менее богат содержанием, но тем не менее представляет значительный интерес прежде всего своими фольклорными материалами второй свиток, начиная с которого мифы постепенно переходят сначала в легендарную, а затем и в реальную историю. Меньший интерес по сравнению с другими представляет третий свиток, в котором в сжатой форме излагаются главным образом сведения о правившей династии и некоторые исторические события.

Значение "Кодзики" в истории японской культуры было осознано не сразу. В течение более пятисот лет после их создания предпочтение отдавалось памятнику официальной японской историографии – "Нихон сёки" ("Анналы Японии"), написанному в духе китайских хроник, который благо-

даря авторитетности классической китайской культуры и языка рассматривался как канонический. "Кодзики" же в течение длительного периода считались дополнительным источником для изучения японской истории и мифологии, главным образом старой лексики, хотя их значение для изучения ранних форм японской поэзии было признано очень рано ⁶.

Подход к "Записи о делах древности" как к апокрифическому памятнику, по-видимому, объясняется тем, что "для своего времени, - как писал академик Н.И. Конрад, - она была достаточно прогрессивна" ⁷. Присоединяясь к этой оценке памятника, мы полагаем, что это было обусловлено заложенной в "Кодзики" идеей централизации государственной власти, выраженной через идею непрерывности и божественного происхождения царствующего рода, которая обосновывается в этом памятнике народными верованиями, противопоставленными засилью господствовавшей до этого в правящих кругах Японии китайской идеологии. Вот почему "Кодзики", составленные как важный официальный документ эпохи, и в более поздний период рассматривались как неофициальное или даже антиофициальное произведение ⁸.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что самый ранний из полностью сохранившихся списков всех трех свитков "Кодзики" - список храма Симпукудзи (г. Нагоя), составленный монахом Кэнью, имеет довольно позднюю датировку - 1371-1372 гг.

Что касается аутентичности этого списка, то "никаких свидетельств в отношении степени сохранности подлинника "Кодзики" не имеется" ⁹. Но датировка памятника 712 г. особых сомнений не вызывает, ибо ссылки на него появляются уже в "Тоса-куни фудоки" ("Этногеографические описания провинции Тоса") под 713 годом ¹⁰. В списке храма Симпукудзи содержатся глоссы - примечания об устном прочтении трудных мест текста по-японски, но отсутствуют глоссы-пометы о порядке прочтения знаков текста. Второй свиток этого списка переписан с несохранившейся копии 1263 г. списка семьи Урабэ. Однако эта копия обладает основными особенностями списков группы Симпукудзи и поэтому противопоставляется спискам группы Урабэ, о которых будет говориться ниже ¹¹. Первый и третий свитки с несохранившейся копии 1266 г. - достояние жреческого рода О-Накатами ¹². Это и объясняет некоторые стилистические различия между разными свитками списка Симпукудзи.

К этому списку восходят сохранившийся список семьи Дока, священников секты Сингон - копия части первого свитка (1381); первый список храма Исэ - копия всего первого свитка (1424); а также второй список храма Исэ, или список монаха Сюнью (предположительно 1426 г.) - копия первого списка храма Исэ.

Кроме четырех списков группы Симпукудзи существуют сохранившиеся с эпохи Муромати (1392-1573) списки группы Урабэ, источником которых являются манускрипты из бывшей коллекции жреческой семьи Урабэ.

Наибольшее значение из этих списков имеет составленный Урабэ Канэнага (1471-1536) список всех трех свитков Урабэ Канэнага (1522) ¹³. В настоящее время этот список находится в коллекции семьи Судзусика Нобору ¹⁴.

Урабэ Канэнага снабдил этот список вступительным очерком ("то:сэ"), пометами об устном прочтении знаков текста по-японски ("кунтэн"), пометами о порядке их чтения ("сю") и пояснениями на обратной стороне листов ("урагаки") ¹⁵. Близким к нему является известный полный список "Итайбон" (конец эпохи Муромати).

Другим важным списком этой группы является список трех свитков "Кодзики" священника Юхан¹⁶, из нынешней коллекции семьи маркиза Маэда – видоизмененная копия списка Урабэ Канэнага, которая была подготовлена до середины 1606 г. В середине этого года, как указано в третьем свитке списка Маэда, эту копию преподнесли японскому императору.

Отличие второго списка группы Урабэ от первого состоит в том, что на каждой странице содержится по 9 строк текста с переменным числом иероглифов (в среднем около 20), в то время как в первом – количество строк на странице составляет 8, а число иероглифов в строке является постоянным – 15¹⁷. Близок к нему список Исигава (1645).

В настоящее время насчитывается до 34 списков группы Урабэ¹⁸, многие из которых представляют собой варианты текста, т. е. списки с "общими изменениями", "которые произошли из-за близости текстов по происхождению" ("ряд общих ошибок и повторов, искажений и незначительных изменений"¹⁹, свойственных архетипу).

Ценность списка Урабэ Канэнага, являющегося архетипом списков этой группы, состоит в том, что он является основным для сравнительного текстологического анализа списков группы Симпукудзи, которая начиная со своего архетипа традиционно используется при публикации "Кодзики" как главная.

Списки второй группы стали активно изучаться и привлекаться при проведении критики текста памятника лишь в самые последние годы.

По мнению Кога Сэйити, указанный архетип списков Урабэ по сравнению с архетипом списков группы Симпукудзи сохраняет значительно больший объем архаизмов (например, во втором свитке примерно треть текста против всего 62 примеров в списке Симпукудзи) и, следовательно, в этих частях ближе к оригиналу "Кодзики"²⁰. Правда, как мы только что отметили, это относится не ко всему тексту архетипа списков группы Урабэ. Архетип списков группы Симпукудзи ближе к оригиналу с точки зрения сохранности первоначального вида текста, но он содержит весьма высокое количество разного рода ошибок (до 3%). В списке же Урабэ Канэнага ошибок в тексте мало, но с точки зрения сохранности оригинала, за исключением упомянутых мест, он все же значительно уступает списку Симпукудзи в связи с тем, что при переписке ученый Урабэ Канэнага внес в протограф стилистические инновации эпохи Муромати (1392–1573).

Сравнение списков группы Симпукудзи с текстом цитат из "Кодзики" свидетельствует в пользу того, что сам по себе записанный иероглифами оригинал в отличие от его прочтения не подвергся серьезным изменениям²¹.

Самый ранний из сохранившихся комментариев к "Кодзики" был написан на целое столетие раньше списка Симпукудзи ("Кодзики урагаки", – /"Запись о делах древности с комментариями на оборотной стороне листов"/, автор Урабэ Канэфуми, 1273 г.). Характер этого комментария свидетельствует о том, что он относится к одному из списков, типологически принадлежащих к группе Симпукудзи²². Хотя написание этого комментария само по себе является важной вехой в истории изучения данного памятника, его текстологическая ценность с точки зрения отражения первоначального текста невелика²³. В "Кодзики урагаки" содержатся глоссы для прочтения трудных мест текста по-японски²⁴.

До XVII в. "Кодзики" истолковывали с позиций буддийской экзегетики. При переходе к позднему феодализму (эпоха Эдо) на передний план выдвигается конфуцианско-синтоистская трактовка памятника²⁵.

В 1644 г. Маэкава Маэмон выпустил в свет в г. Киото первое печатное издание памятника по списку группы Урабэ²⁶. В тексте издания содержатся глоссы – пометы о порядке прочтения знаков текста и его транскрипция знаками японской слоговой азбуки – “кана”. Однако в целом ряде мест транскрипция была неточной, порядок японских слов в соответствии с этой транскрипцией носил сильный отпечаток китайского синтаксиса. Кроме того, во втором свитке в разделе о правлении полулегендарного вождя японского племени Ямато Мимаки Ирихико (посмертное имя Судзин) имелась большая лакуна в 400 иероглифов²⁷.

В 1687 г. священник храма Исэ Ватараи Энка выпустил первое критическое издание “Кодзики” с комментариями²⁸, которое сыграло большую роль в привлечении внимания к “Кодзики” как памятнику национальной культуры. Эта работа имеет большое значение в истории текстологии “Кодзики”, ибо в ней был исправлен ряд ошибок списка Симпукудзи, с учетом не только других списков этой главной группы списков, но и издания (хотя и далеко не совершенного) списка группы Урабэ 1644 г.²⁹, причем в отличие от списка Симпукудзи в тексте издания содержалась японская транскрипция³⁰. Особенно большие усилия Ватараи Энка приложил к редакции второго свитка, поскольку его текст был неоднороден по сравнению с другими свитками этого списка³¹. Кроме того, он восполнил лакуны, которые были в предыдущем издании.

Существенный вклад в изучение памятника внесли известные японские ученые Кэйтю (1640–1701), Камо Мабути (1697–1769) и Араи Хакусэки (1657–1725)³².

Грандиозную работу по изучению “Кодзики” проделал ученый Мотоори Норинага (1730–1801), ученик Камо Мабути. Мотоори Норинага посвятил изучению памятника 34 года (1764–1798), в результате чего в 1789–1822 гг. были изданы его монументальные комментарии – “Кодзикидэн” в 44 томах (15 томов – к первому свитку, 17 – ко второму, 10 – к третьему и 2 тома – введение и указатели). Осуществленные Мотоори прочтение и комментарии памятника составили эпоху в истории изучения “Кодзики” и, будучи во многих отношениях до сих пор непревзойденными, являются исходными при прочтении и комментировании “Кодзики”.

Не будет преувеличением сказать, что “Кодзикидэн” – это самостоятельное монументальное произведение, автор которого, исходя из гуманистических устремлений, имеющих, однако, несомненную религиозную окраску, выступил “за освобождение от бесчеловечных “принципов” прежнего конфуцианства”³³.

С именем Мотоори связана канонизация “Кодзики” в качестве основной книги синтоистского троекнижия, к которой в отличие от “Нихон сэки” “восходит все то, что составляет исконное, освобожденное от всяких примесей содержание японского национального духа”³⁴.

В своей работе Мотоори базировался на списке Симпукудзи, а также на комментированных изданиях списков “Кодзики” этой группы, а также на некоторых других комментариях и старых рукописях, и лишь частично учитывал списки группы Урабэ.

Широкое изучение памятника, в особенности с точки зрения мифологии и фольклористики, развернулось после незавершенной буржуазной революции Мэйдзи (1867–1869).

Среди этих публикаций отметим критическое издание в 1887 г. лингвиста Танака Ёсикадо “Ко:тэй Кодзики” (“Прокомментированные “Кодзики”), в котором содержались уточнения в прочтении памятника, предложен-

ном Мотоори, а также выпуск в свет в 1913 г. историком Цуда Сокити "Кодзики оёби Нихон сёки-но синкэнкю:" ("Новое исследование "Кодзики" и "Нихон сёки"), в котором наряду с критикой текста выдвигалась концепция, состоящая в том, что протографы текста "Кодзики" подверглись при его составлении такой редакции, которая их коренным образом изменила с целью узаконить верховную власть правящего рода (Сумэраги).

В 1927 г. нынешний президент Кодзики гаккай (Научное общество по изучению "Кодзики") Курано Кэндзи опубликовал "Новое исследование "Кодзики", в котором обосновал точку зрения на этот памятник как на произведение национального эпоса³⁵.

После второй мировой войны, продолжая свои исследования памятника, Курано Кэндзи, так же как и другой старейший ученый Такэда Юкити³⁶, выпустил в свет целый ряд критических изданий текста "Кодзики". Среди них выделяются его публикации в восьмитомной серии "Кодзики тайсэй" ("Компендиум исследований "Кодзики"³⁷), "Кодзики. Норито" ("Запись о делах древности. Молитвословия") с комментариями³⁸ в большой серии "Нихон котэн бунгаку" ("Японская классическая литература"). В этих работах Курано Кэндзи выступил с дополнениями и уточнениями как самого текста, так и его прочтения Мотоори и другими более поздними исследователями главным образом по спискам группы Симпукудзи. Обращает на себя внимание также публикация памятника в критическом издании "Ко:хон Кодзики" ("Критическое издание "Кодзики"), осуществленном Обществом по комплектованию продолжающихся серий документов (Дзокугун сёруйдзю кансэйкай), в котором наряду со списками группы Симпукудзи широко использованы списки группы Урабэ. Этот качественный сдвиг в работе по составлению критического текста "Кодзики" в ортодоксальном направлении исследований памятника, по-видимому, произошел не без влияния работ над списками группы Урабэ плеяды ученых нового, неортодоксального направления, которые приобрели известность после второй мировой войны, таких, как Канда Хидэо, Ота Ёсимаро, Кодзима Норикоки, Исидзука Харумити и др. Этому сдвигу способствовала публикация в 1958 г. Научным обществом по изучению "Кодзики" сборника списков разных групп и ряда старых критических изданий "Кодзики". В частности, огромное значение имело осуществленное Канда Хидэо и Ота Ёсимаро новое комментированное критическое издание "Кодзики" в серии "Нихон котэн дзэнсё" ("Полное собрание японской классики"), предпринятое издательством "Асахи" в 1968 г.

В критическом издании "Ко:хон Кодзики" далеко не полностью выправлены ошибки списков группы Симпукудзи. Этот недостаток существенно восполняется в критическом издании памятника, опубликованном Канда Хидэо и Ота Ёсимаро.

Магистерская диссертация Исидзука Харумити "Лингвистическое исследование структуры "Кодзики", защищенная в Токийском университете в 1966 г., - новый важный шаг в этом направлении. В работе Исидзука Харумити значительно улучшено палеографическое и текстологическое (контекстуальное) прочтение памятника, введены необходимые конъектуры и на основе сравнения с китайской буддийской литературой III-VII вв. дано принципиально новое истолкование глосс, которые мы находим инкорпорированными в текст "Кодзики" (по аналогии с текстами сутр указанного периода) уже в самом раннем списке памятника.

Реконструкция прочтения основной, прозаической части текста "Кодзики", составленного в начале эпохи Нара (710-794), проведена впервые Мотоори в лучшем случае в таком виде, в каком оно существовало в эпо-

ху Хэйан (794–1196); ибо традиция чтения памятника была утрачена, так как письменные свидетельства о прочтении их в более ранние периоды, так называемые "кокунтэн сирё:" ("материалы со старыми пометами для чтения") отсутствуют.

Поэтому для восстановления прочтения "Кодзики" предстоит проделать следующую работу:

1) выбрать из "кокунтэн сирё:", относящихся к третьей книге упомянутого в начале статьи троекнижия ("Нихон сёки"), все фрагменты, сопоставимые по своему письменному языку с соответствующими фрагментами из "Кодзики" (эти материалы как копии с материалов IX в. датируются серединой X в.);

2) сравнить их с глоссами в самых ранних списках "Кодзики" и "Нихон сёки" и с "Нихон сёки-но сики" ("Личные записки об "Анналах Японии"), которые относятся к IX–X вв. (в некоторых из них, например, датированных 936 г., содержатся извлечения из "Кодзики") и не только фиксируют чтение эпохи Хэйан, но и, будучи записанными во многих местах фонематическим слоговым письмом (иероглифическая кана), сохраняют традицию чтения "Нихон сёки" в эпоху Нара; 3) дополнить эти материалы фрагментами из "Кодзики", записанными фонематическим письмом; 4) проверить полученные данные, сопоставимые с прочтением китайских буддийских сутр, и синтезировать их в протранскрибированный текст устного языка "Кодзики". К решению этой грандиозной задачи японские ученые покамест еще не приступили.

Русский перевод целесообразно снабдить в первую очередь минимально необходимым комментарием реалий, с тем чтобы сосредоточить внимание на лингвистическом комментарии, поскольку, хотя "Кодзики" и рассматриваются, например акад. Н.И. Конрадом, как "прежде всего памятник древнеяпонского языка"³⁹, они являются в этом отношении наименее изученными – даже вопрос о том, на каком языке (китайском или японском) они записаны, окончательно не решен⁴⁰.

Полный текст "Кодзики" в переводе на русский язык не издавался.

Переводы из "Кодзики" в последней четверти XIX в. делал русский историк В.Я. Костылев, однако эти переводы предисловия, первого свитка и самого начала второго свитка (последние на пяти рукописных страницах) опубликованы не были⁴¹. В.Я. Костылев при переводе ошибочно исходил из того, что "Кодзики" появилась как книга китайская, а совсем не японская⁴².

В 1925 г. Н.И. Конрад подготовил статью "Кодзики" с кратким изложением содержания памятника. Выводы статьи были использованы позднее, в 1927 г., в книге автора "Японская литература в образцах и очерках". Статья была также дважды опубликована, в 1973 и 1974 гг. в книге автора "Японская литература"⁴³.

В 1927 г. "Предисловие к "Кодзики" в переводе Н.И. Фельдман и несколько фрагментов из первого свитка в переводе Г.О. Монзелера были помещены в "Японской литературе в образцах и очерках" Н.И. Конрада, в которых впервые в советской литературе была дана многоплановая характеристика этого памятника и намечены пути его изучения.

Несколько ранее вопрос о роли "Кодзики" в истории японской литературы затрагивался в очерке "Японская литература" С.Г. Елисеева⁴⁴, который в свое время прослушал в Токийском университете курс лекций о "Кодзики" известного японского ученого Уэда Кадзутоси.

Краткое изложение содержания "Кодзики" с сопроводительным историческим очерком было помещено в книге А.А. Вановского "Кадзан то тайё:" ("Вулканы и солнце")⁴⁵. (Мы располагаем рукописным русским оригиналом этой работы.)

Исследованию мифов "Кодзики" Е.М. Пинус в 1960 г. посвятила статью "Древние мифы японского народа" в книге "Китай, Япония. История и филология (К семидесятилетию академика Н.И. Конрада)"; в 1967 г. — статью "Японский миф о рыбаке и охотнике" по древнейшему памятнику "Кодзики" в книге "Историко-филологические исследования (Сборник статей к семидесятилетию академика Н.И. Конрада)", в 1970 г. — раздел "Кодзики" в книге "Литература Востока в средние века". В последней работе излагается содержание первого свитка памятника и приводится его общая характеристика, в которой о нем, в частности, с одной стороны, говорится, что "произведение, задуманное как "история страны" и предназначенное для потомков, не могло быть записано на языке, которым владела лишь образованная верхушка, — для него нужна была запись на родном языке" (т. е. японском. — К.Ч.), а с другой стороны, — что "большую часть "Кодзики", именно ту, где ведется рассказ о событиях, О-но Ясумаро записал на китайском языке"⁴⁶.

Филологический (подстрочный) перевод фрагмента из первого свитка памятника с предисловием и комментариями был помещен Е.М. Пинус в 1973 г. в журнале "Проблемы Дальнего Востока"⁴⁷.

Наш художественный перевод "Предисловия" к "Кодзики" и шести других фрагментов из основного текста памятника был помещен в журнале "Япония сегодня" и в восточном альманахе "Дневная звезда"⁴⁸.

В научной периодике нами были опубликованы несколько статей и сообщений о языке памятника⁴⁹.

Первый перевод "Кодзики" на английский язык с предисловием и комментарием был опубликован английским ученым Базилем Чемберленом в Иокोगаме в 1882 г. как приложение к десятому тому Трудов азиатского общества Японии⁵⁰. Для перевода английский ученый использовал в основном издание Мотоори, отражающее главным образом списки группы Симпукудзи. Издание "Кодзики" в переводе Б. Чемберлена на английский язык вызвало в свое время широкий отклик среди общественности и в научных кругах⁵¹. Этот перевод считался "сугубо буквальным переводом" (разрядка моя. — К.Ч.) "гэнсэй-на тикудзияку"⁵², и поэтому "Кодзики" в этом переводе, в особенности ономастика, которая представлена в них очень широко, не без труда понимается носителями английского языка, не являющимися специалистами в области истории и мифологии Японии. Вот почему в упомянутом выше фундаментальном восьмитомном исследовании "Кодзики тайсэй" "вопроса о том, насколько адекватно или не адекватно английский перевод этого ученого передает содержание подлинника", предпочитают "не касаться"⁵³. Главное же внимание японские исследователи уделяют взглядам Б. Чемберлена на японскую мифологию, изложенным в его предисловии к переводу "Кодзики".

"С точки зрения современной науки, — пишут японские ученые, — в его концепции имеется немало недостатков, но в истории изучения "Кодзики" после Мотоори она явилась новой вехой"⁵⁴.

Придерживаясь мнения, что вскоре после составления "Кодзики" "наиболее яркие черты, характерные для японского народа, были погребены под обширными наслоениями китайской культуры"⁵⁵, Б. Чемберлен, однако, ошибочно рассматривает "Запись о делах древности" как самый

ранний памятник народов, говорящих на языках гипотетической скифо-ура-ло-алтайской семьи языков⁵⁶, и подходит к содержащимся в нем мифам "с позиций крайнего эвгемеризма"⁵⁷, т. е. считает их не порождением фантазии, а отражением реальной истории японского народа.

Эти взгляды Б. Чемберлена не могли не наложить отпечатка на характер его комментария и перевода.

Пост Уиллер, бывший посланник США в Японии, опубликовал в Нью-Йорке в 1952 г. "Японские священные рукописи" - сводный текст японских мифов и исторических преданий из "Кодзики", "Нихон сёки", "Фудоки" и других японских письменных памятников. При всей значительности этой работы ее использование при переводе "Кодзики" на русский язык может носить только вспомогательный характер.

Вольный перевод "Кодзики", главным образом по спискам группы Симпукудзи, с комментариями был осуществлен Иноуэ Сюдзи (mimeографическое издание, 1-й выпуск в 1958 г., 9-ый - в 1966 г., г. Ивакияма, преф. Ямагути). Характер издания и связанный с ним небольшой тираж делают его малодоступным для европейских читателей. Хотя "вольный стиль"⁵⁸ этого перевода на современный английский язык и позволяет в ряде случаев лучше понять общий смысл отдельных выражений, он довольно серьезно ограничивает его филологическую ценность.

Другой перевод "Кодзики", с вводной статьей и с комментарием, был издан в Токио в 1968 г. американским филологом Дональдом Филиппи, специалистом по раннему японскому фольклору.

Этот перевод, за небольшими исключениями, выполнен весьма тщательно, но он базируется на издании "Записи о делах древности", опубликованном в "Кодзики тайсэй", которое учитывает главным образом списки группы Симпукудзи. Д. Филиппи ошибочно считает его "критическим текстом"⁵⁹, что, как об этом говорилось выше, не соответствует действительности.

Вряд ли можно также согласиться с дублированием таких слов, как ками "божество" и микото "божество" в английской транскрипции вслед за именами собственными, после того как автор дает их в английском переводе. Недостаточно осторожно Д. Филиппи подошел и к вопросу о транскрипции древнеяпонской ономастики. Фонетический принцип ее транскрипции в связи с недостаточной изученностью древнеяпонского консонантизма проведен непоследовательно и в целом ряде случаев заменяется фонематическим принципом (напр. /s/ и /t/). Американский ученый сам признает, что его "определение фонематической значимости фонем древнеяпонского языка не является совершенным". Но тогда, очевидно, было бы целесообразно использовать другой способ, при котором транскрипцию этого весьма обширного слоя лексики в "Кодзики" можно было бы унифицировать. Разумеется, научный перевод этого текста будет отличаться от его художественного перевода в связи с различием их целей и средств. При этом необходимо учитывать, что применение фонематического принципа языка оригинала при переводе на другой язык вряд ли вообще является оправданным вследствие того, что системы фонем этих языков являются разными,

х х х

Подлинность списков, датировка, источники, структура и атрибуция (авторство) "Кодзики" представляют собой сложные вопросы, тесно связанные в один узел, и поэтому их лучше рассматривать в одном разделе.

Японские ученые, например с 1929 г. Накадзава Кэмэй⁶⁰ и его последователи⁶¹, считающие, что "Кодзики" – это результат фальсификации, которая более чем через столетие после официальной даты их составления – в начале IX в. – явилась делом рук священников из семей Хиэда и Мацуо, приводят в пользу своей гипотезы следующие аргументы:

1. Факт составления "Кодзики", который имел первостепенное значение для государства, не упоминается в таких памятниках официальной историографии УШ в., как "Нихон сёки" ("Нихонги") и "Сёку-нихонги" ("Продолжение анналов Японии").

2. Обилие поэтического фольклорного материала подводит к выводу о том, что этот памятник является не летописью, имеющей государственное значение, а узкоспецифическим неофициальным сводом различного рода филологических материалов.

3. Палеографический анализ списков "Кодзики" свидетельствует о том, что их иероглифическая система является качественно новой по сравнению с другими японскими текстами УП–УШ вв.

4. Оригинал "Кодзики" не сохранился, а самые ранние списки датируются последней третью XI в.⁶²

Курано Кэндзи в 1934 г. обосновал аутентичность списков "Кодзики", исходя прежде всего из литературоведческого анализа содержащихся в них древних мифов и преданий. Этот ученый привел также доказательства в пользу того, что составитель японской поэтической антологии середины УШ в. – "Манъёсю" ("Сборник myriad лепестков") был знаком с текстом "Кодзики"⁶³.

С лингвистической точки зрения аутентичность списков памятника обосновал Хасимото Синкити, который в 1931 г. опубликовал развернутое исследование о двух различных непересекающихся рядах иероглифической каны в списках "Кодзики", отражающих исчезнувшую после УШ в. систему фонем древнеяпонского языка⁶⁴.

Работу по выявлению древних слоев иероглифической письменности в списках "Кодзики", позволяющих подтвердить, в частности, аутентичность памятника, продолжил Канда Хидэо. В 1950 г. в своем исследовании "Кодзики-но ко:дэо:" ("Структура Кодзики"), исходя из данных палеографического анализа, полученных, в частности, в результате сравнения списков памятника с текстами китайских буддийских сутр и старыми японскими текстами с установленной датировкой, этот ученый выявил в памятнике три больших лексических слоя: "древний слой" (У1 в.), куда входят такие слова, как 王 о:гими – 'вождь племени, государь' (всего более 10 слов); "слой Асука" (первая половина УП в.) с такими словами, как 爾 карэ 'и, тогда, поэтому' в начале предложения, 白 мо: саку 'изрекать', 所以(由以)...者 юэ... ва 'вот почему... и', характерными для буддийских сутр в китайском переводе, распространенных в этот период в Японии; и "слой Хакухо" (начало УШ в.) с заменой 王 о:гими 'вождь племени, государь' на 天皇 сумэра-микото в том же значении, 爾 карэ 'и, и тогда, поэтому' на 故 карэ в том же значении, четким различием фонематического и семантического употребления иероглифов, введением новых знаков иероглифов, введением новых знаков иероглифической каны, обработкой преданий в духе обыденного сознания этого периода и т. п.

Исидзука Харумити и Тояма Тамидзо продолжили эту работу. Первый из них дал принципиально новую трактовку специфических глосс – надстрочных помет высокого, ровного и восходящего тонов японских слов, а также содержащих генеалогию японских родов инкорпорированных глосс ("варитю:),

которые не превращают предложение основного текста в грамматически дискретное, как это имеет место при подаче их посредством вводных слов и предложений, а составляют с ним одно целое и лишь выделяются более мелким почерком и расположением иероглифов вдоль строки в два ряда.

Исидзука Харумити показал, что в этих глоссах отсутствуют сведения о генеалогии новых родов, которые отпочковались от старых родов в конце VII – начале VIII в., и что использование таких глосс характерно не только для буддийских сутр в переводе на китайский язык, в частности "Дхарани", но и для другой китайской литературы, которая была привезена в Японию в У1–У11 вв.⁶⁵

Тем самым японский ученый не только подтвердил в результате текстологического анализа датировку начала работы над памятником, которая содержится в предисловии к "Кодзики", но и существенно дополнил в результате лингвистического анализа данные о структуре письменного языка памятника и его источниках.

Второй из них – Тояма Тамидзо в результате палеографического анализа⁶⁶ показал, что система графики силлабемного письма в "Кодзики" является более простой (199 графем), чем аналогичная употреблявшейся в этот период в Китае система в "Нихон сёки" (607 графем), приближающаяся с этой точки зрения, а также по конкретному набору графем к той, которая получила распространение в повседневной практике в эпоху Нара (710–794).

Если вопрос об аутентичности "Кодзики" в основном решен положительно, то в вопросе об атрибуции (авторстве) памятника и в вопросе о его источниках среди ученых единства не существует.

Большинство ученых по традиции считает, что в соответствии с эдиктом императора Тэмму (678–686), который лег в основу "Кодзики", их читал человек из незнатного сословия по имени Хиэда-но Арэ (одни полагают, что это был сказитель, другие – что это была сказительница), а ученый О-но Ясумаро осуществлял запись текста.

Излагая эту точку зрения, Я.Б. Радуль-Затуловский пишет, что "эта книга, возведенная в ранг канонической, как известно, записана полностью со слов старой женщины-сказительницы по имени Хиэда-но Арэ 稗田阿禮 в 711 г., когда ей было 65 лет. Ее феноменальная память, как обычно сообщается в справочных изданиях, позволяла ей передавать "без искажений" сказания и мифы давно минувших лет"⁶⁷.

Подходя более осторожно к традиционной точке зрения, Н.И. Конрад пишет: "Почин Тэмму, надо думать, привел только к тому результату, что был намечен, так сказать, канонический материал для этой былевой словесности, намечена оригинальная линия традиции мифологического и героического эпоса. Его же письменная фиксация, его обработка в связное повествование, все это должно было стать делом рук не столько "Гомера", певца-сказителя, выразителя, главным образом, не личного, а коллективного начала, сколько отдельного поэта... Словом, нужен был редактор, индивидуальный деятель-поэт... Эпический цикл... должен был принять окончательную обработку, т. е. подвергнуться действию особых литературных законов в руках особого лица. И таковым явился автор "Предисловия" – Ясумаро... Он является величайшим писателем эпохи Нара... Охватить всю огромную массу японских сказаний, найти в ней связующие нити, изложить все в связном повествовании и, главное, пронизать все изложение особой, до конца выдержанной идеологией, для этого был нужен недюжинный ум и широкий кругозор"⁶⁸.

Таким образом, полная атрябуция памятника оказывается спорной в двух отношениях: 1) с точки зрения определения формы соавторства Арэ и 2) с точки зрения принадлежности автора к мужскому или женскому полу.

Согласно традиционной точке зрения император Тэмму прочел Арэ текст "Кодзики" и повелел тому заучить его. Впоследствии же Арэ продиктовал выученный им на память текст Ясумаро. В доказательство ссылались на имеющиеся в "Предисловии" к основному тексту "Кодзики" знаки 誦習 означающие "прочсть - заучить"⁶⁹. Сравнительно недавно появилась новая интерпретация этого словосочетания как "прочтя, заучить", т. е. считается, что по повелению Тэмму Арэ сам прочел (другими словами - истолковал) текст "Кодзики"⁷⁰.

Это положение с позиций литературоведческой стилистики в 1962 г. обосновал Кодзима Нориюки⁷¹, а с позиций лингвистической стилистики - Исидзука Харумити⁷².

По-видимому, соавторство сказителя Арэ состояло в том, что не читаемые другими письменные источники "Кодзики" Ясумаро воспринимал как материал для редактирования, творческой обработки и письменной фиксации в прочтении этого сказителя, которое само по себе требовало "громкой эрудиции"⁷³ и, следовательно, наложило на конечный продукт этой грандиозной работы глубокий индивидуальный отпечаток.

Правильное понимание вопроса о сложной природе атрибуции этого величественного памятника японского национального эпоса является особенно важным потому, что устаревшая традиционная точка зрения на вопрос о ее природе по-прежнему господствует в учебниках по классической литературе в японской средней и высшей школе.

Мнение, что Арэ - сказительница, выдвигается исходя из того, что в стиле памятника отчетливо проступают черты, свойственные литературному стилю придворных дам. Однако сторонники этой точки зрения не в полной мере учитывают, что женщины из кругов придворной аристократии играли в японской классической литературе столь большую роль, что выделить их специфический стиль представляется довольно сложной задачей. Но дело даже не в этом, а в том, что эта версия, по мнению Х. Исидзука и др., не подтверждается генеалогией дворцовых служителей "тонэри", ибо представители этого незнатного сословия, по традиции, служили при дворе писцами-секретарями, т. е. выполняли функции, которые не были свойственны женщинам. Последняя точка зрения представляется нам более аргументированной.

Что касается источников "Кодзики", то существует традиционная точка зрения, что их было два - "Тэйки" ("Государевы хроники") и "Кудзи" ("Древние глаголы"), т. е. мифы и предания, которой придерживаются, например, Курано Кэндзи⁷⁴, Такэда Юкити⁷⁵, а вслед за ними и Дональд Филиппи⁷⁶. Другие ученые, например Кодзима Нориюки⁷⁷ и Исидзука Харумити, выдвигают концепцию множественности источников памятника, считая, что такой характер носили по крайней мере "кудзи" ("древние глаголы"), т. е. местные предания различных японских родов, объединение которых в единый свод в связи с задачами централизации государственной власти и было впервые завершено в "Кодзики". Вторая точка зрения представляется нам более убедительной, чем первая.

Таковы в очень кратком изложении основные вопросы изучения этого памятника.

¹ В это троекнижие (самбу хонсё) включаются "Кодзюки" ("Запись о делах древности"), "Нихон сёки" ("Анналы Японии"), 720 г., и сгоревшие во время пожара 645 г. "Кудзюки" ("Запись о минувших делах"), 620 г. См.: Н.И. Конрад Японская литература в образцах и очерках, т. 1, Л., 1927, стр. 67; «Kojiki», or «Records of Ancient Matters». Translated by Basil Hall Chamberlain, — «Transactions of the Asiatic Society of Japan», Tokyo, 1882, Suppl. to vol. X, стр. V.

² Н.И. Конрад, Японская литература в образцах..., стр. 68.

³ Там же, стр. 74.

⁴ Fosco Maraini, The Enchanted Castle of Safe Myths, — Yearbook «This is Japan — 1969», Tokyo, 1968, стр. 112.

⁵ Хронология здесь и ниже приводится по памятнику официальной японской историографии "Нихон сёки" ("Анналы Японии"), 720 г. Правда, эта хронология так же, как и другие существующие хронологии истории Японии этого периода, является отнюдь не беспорядной.

⁶ "Кодзюки тайсэй" ("Компендиум исследований "Кодзюки"), т. 1, Токио, 1956, стр. 26.

⁷ Н.И. Конрад, Японская литература в образцах..., стр. 62.

⁸ См.: "Кодзюки. Канда Хидэо, Ота Ёсимаро ко:тю:" ("Кодзюки" — Критическое издание и комментарий Канда Хидэо и Ота Ёсимаро"), — "Нихон котэн дзэнсё" ("Полное собрание японской классики"), т. 1, Токио, 1968, стр. 21.

⁹ Там же, стр. 85.

¹⁰ "Компендиум исследований...", стр. 338.

¹¹ Там же, стр. 245.

¹² Там же, стр. 340.

¹³ Там же, стр. 342.

¹⁴ "Кодзюки. Критическое издание...", стр. 88–89.

¹⁵ Там же, стр. 89.

¹⁶ "Кодзюки нэмпо:" ("Ежегодник Кодзюки"), Токио, 1969, стр. 20–25.

¹⁷ "Компендиум исследований...", стр. 239.

¹⁸ "Кодзюки. Критическое издание...", стр. 88.

¹⁹ Д.С. Лихачев, Текстология. Краткий очерк, М.–Л., 1964, стр. 15.

²⁰ "Компендиум исследований...", стр. 251.

²¹ Там же, стр. 5.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 298.

²⁴ Там же, стр. 4.

²⁵ Там же, стр. 87.

²⁶ «Kojiki», Translated with Introduction and Notes by Donald Philippi, Tokyo, 1968, стр. 30.

²⁷ "Компендиум исследований...", стр. 85.

²⁸ Там же, стр. 279.

²⁹ "Ежегодник Кодзюки", 1960, стр. 20.

³⁰ "Компендиум исследований...", стр. 282.

- 31 "Ежегодник Кодзики", 1957.
- 32 "Кодзики. Норито" ("Запись о делах древности. Молитвословия"), Токио, 1964 ("Нихон котэн бунгаку тайкэй" т. 1), стр. 8-17; см. также: "Компендиум исследований...", стр. 298-299; "Кодзики. Критическое издание...", стр. 62-63.
- 33 "Компендиум исследований...", стр. 108-109.
- 34 Н.И. Конрад, Японская литература в образах..., стр. 74.
- 35 "Компендиум исследований...", стр. 314.
- 36 Такэда Юкити, Кодзики, Токио, 1966.
- 37 "Компендиум исследований...", т. 7, 1958.
- 38 "Нихон котэн бунгаку тайкэй" ("Большая серия японской классической литературы"), т. 1, Токио, 1958, 1964.
- 39 Н.И. Конрад, Японская литература в образах..., стр. 71.
- 40 К.Е. Черевко, Некоторые замечания о языке "Кодзики" (К проблеме становления японского письменного литературного языка), - "Народы Азии и Африки", М., 1966, № 3.
- 41 ЛО ИВАН СССР, ф. 65, оп. 1, № 1, XIX-XX вв.
- 42 Там же, № 16, XIX-XX вв., стр. 18.
- 43 Н. И. Конрад, "Кодзики" - "Японская литература", М., 1974, стр. 104-115.
- 44 С.Г. Елисеев, Японская литература, - "Литература Востока", 1920, вып. 2.
- 45 А.А. Вановский, Кадзан то тайё: ("Вулканы и солнце"), Токио, 1955.
- 46 Е.М. Пинус, Кодзики, - "Литература Востока и средние века", М., 1970, гл. 1, ч. 1, стр. 246.
- 47 Е.М. Пинус, Кодзики - Запись о делах древности, - "Проблемы Дальнего Востока", 1973, № 4, стр. 175-183.
- 48 Запись о делах древности "Кодзики". Перевод Черевко К.Е., - "Япония сегодня", Токио, 1968, № 8; 1969, № 11; 1971, № 13; 1972, № 14, 15; 1973, № 16, 1974, № 17; "Кодзики". - "Дневная звезда". Восточный альманах, вып. 2, М., стр. 417-447.
- 49 С.Е. Tcherevko, A General Linguistic Approach to the Formation of Japanese Language Centering around «Kojiki», - «Transactions of the 13th International Conference of Orientalists in Japan», Tokyo, 1968, vol. XIII; Тиэрэфуко Кириру (Черевко Кирилл), Кодзики-о тьюсин-то суру вабун сэйрицу-ни тайсуру ишпан гэнкогакутэки апро:ти (Подход к становлению японского стиля письменного языка на материале "Кодзики", - "Хогэн гаккай кайхо" ("Вестник по диалектологии"), Токио, 1968, № 23; С.Е. Tcherevko, On the Problem of the Linguistic Levels in the Early Written Japanese, - «Transactions of the 14th International Conference of Orientalists in Japan», Tokyo, 1969; К. Е. Черевко, О письме "Кодзики" в связи с проблемой становления японского письменного литературного языка, - "Конференция молодых научных сотрудников и аспирантов ИНА АН СССР. Тезисы докладов", М., 1965; К.Е. Черевко, О становлении японского письменного литературного языка на материале литературно-исторического памятника "Кодзики" ("Запись о делах древности"), 712 г., - "Вопросы семантики. Тезисы докладов" (Дискуссия на расширенном заседании Филологической секции Ученого совета Института востоковедения. Февраль 1971 г.), АН СССР, Институт востоковедения, М., 1971, стр. 205-209; К.Е. Черевко, Специфика литературного двуязычия в древней Японии (К вопросу о характере чтения и записи текстов), - "Народы Азии и Африки", М., 1969, № 2; К.Е. Tcherevko, Chinese Heterography and Formation of the Japanese Written Literary Language. On the Kojiki Material of Year 712. - "Studies on the Japanese Culture", II, The Japan P.F.N. Club, Tokyo, 1973, стр. 528-

533; К. Е. Черевко, К вопросу об изучении в СССР истории японской национальной культуры (О литературном памятнике "Кодзики"), - "Проблемы Дальнего Востока", 1973, № 4, стр. 184-186; К. Е. Черевко/ Запись о деяниях древности". - "Дневная звезда". Восточный альманах, вып. 2, М., 1974, стр. 415-416.

50 См. прим. 1.

51 "Кодзики. Критическое издание...", стр. 76.

52 Цугита Дзюн, Ваканъэй самбун тайроку Кодзики (Параллельные японский, китайский и английский тексты "Кодзики"), Токио, 1928, стр. 1.

53 "Компендиум исследований...", стр. 307.

54 "Кодзики. Критическое издание...", стр. 76.

55 "Kojiki" or "Records of Ancient Matters", p. 11.

56 Там же.

57 "Компендиум исследований...", стр. 137.

58 «Kojiki», Translated and annotated by Inoue Shunji, Iwakiyama, 1966, стр. 1.

59 «Kojiki», Translated by Donald Philippi, стр. 33.

60 Накадзава Кэммэй, Кодзикирон (О "Кодзики"), Токио, 1929.

61 "Компендиум исследований...", стр. 159.

62 "Кодзики. Критическое издание...", стр. 8-9.

63 "Компендиум исследований...", стр. 160.

64 Хасимото Синкити, Дзё:дай токусю: канадзукан кэнкю; (Изучение особого употребления в древности азбуки "кана", Токио, 1954.

65 Исидзука Харумити, Хонгё-кара варитю:-э буммяку-га цудзуку хё:ки кэйсики (Форма записи с переводом текста с основных строк в глоссы), - "Кокугогаку", Токио, 1967, стр. 1, № 70.

66 Ежегодник "Кодзики", стр. 65.

67 Я.Б. Радуль-Затуловский, Конфуцианство и его распространение в Японии, М.-Л., 1947, стр. 213.

68 Н.И. Конрад, Японская литература в образах..., стр. 69-70.

69 "Кодзики", - "Япония сегодня", 1969, № 11, стр. 67.

70 М.П. Григорьев, Древнейший памятник японской литературы "Кодзики", - "На Востоке", Токио, 1935, стр. 144.

71 Кодзима Норюки, Дзё:дай нихон бунгаку то тю:гоку бунгаку (Древняя японская литература и литература Китая), Токио, 1962, стр. 172-173.

72 Исидзука Харумити, Кодзики, Котоба-но кэнкю: (Изучение языка) Ко:то: гакко:ё: кё:касё (Учебник для повышенной средней школы), Токио, 1969, стр. 219-220.

73 М.П. Григорьев, Древнейший памятник..., стр. 143.

74 Курано Кэндзи, Кодзики. Курано Кэндзи ко:тю: (Критическое издание и комментарий Курано Кэндзи), Токио, 1966, стр. 312.

75 Такэда Юкити, Кодзики, стр. 382.

76 «Kojiki», Translated by D Philippi, стр. 8-9.

77 Кодзима Норюки, Древняя японская литература..., стр. 170-173.